

21. Yule George. Pragmatics. Oxford : Oxford University Press, 1996.

Implication and subtext: terms and notions

There is connection between the notions "implicit meaning" and "subtext" in a narrative text. Implicit meanings are emotional and mental forms based on implicit knowledge acquired and kept in memory until some certain moment. Through narrative categorization on the basis of these meanings in a narrative text the reader comes to the conscious (sometimes easily verbalized, more often hardly verbalized) conclusion – notion of subtext.

Key words: *implication, subtext, categorization, text projection, inference, implicature.*

Ю.В. ПОГРЕБНЯК
(Волгоград)

**ОСОБЫЕ СЛУЧАИ РЕАЛИЗАЦИИ
ИНТЕРИОРИЗОВАННОГО
ДИСКУРСА**

Анализируются нетипичные случаи реализации интериоризованного дискурса, который рассматривается нами как модель внутренней речи персонажа, представленная автором художественного произведения. Показывая роль так называемых «квазиобъектов» в интериоризованном дискурсе, автор приходит к выводу о том, что часто общение с самим собой маскируется общением с другими объектами.

Ключевые слова: *интериоризованный дискурс, несобственно прямая речь, шкала интериоризации дискурса, степень интериоризации дискурса, объект интериоризованного дискурса, субъект интериоризованного дискурса.*

Объектом нашего изучения является интериоризованный дискурс, который мы рассматриваем как отражение внутренней речи персонажа в тексте художественного произведения. По теории А.А. Леонтьева, существует этап внутреннего программирования в процессе порождения высказывания. Именно этот этап может развиваться

в полное вербальное высказывание, в процесс «внутреннего проговаривания», или во «внутреннюю речь», в зависимости от целей говорящего [3].

В теории Н.И. Жинкина [2] доказывалась гипотеза о возможности несловесного мышления, когда происходит переход на особый код внутренней речи, названный Н.И. Жинкиным универсальным предметным кодом. Это субъективный язык, язык-посредник, который переводит замысел высказывания на общедоступный язык. Интериоризованный дискурс, в нашем понимании, является моделью «внутреннего программирования», или «внутренней речи». Эта модель создается автором произведения путем использования языковых средств. Интериоризованный дискурс в таком понимании является одним из способов моделирования реальности.

Н.И. Жинкин, разрабатывая проблему кодирования и декодирования информации в мышлении человека в процессе порождения, восприятия и понимания речевых сообщений, говорит о различных уровнях свертывания информации. Является ли интериоризованный дискурс моделью «внутреннего программирования», зависит от степени интериоризации, которую определяет автор в своем произведении в зависимости от художественных целей. Чем больше глубина интериоризации дискурса, тем более «сжат» образ, тем большую компрессию смысла мы наблюдаем и тем больше языковых средств требуется для раскрытия этого образа.

М.М. Бахтин, говоря о взаимодействии автора и героя в художественном произведении, указывает на то, что читатель видит произведение именно через призму автора: «... каждый момент произведения дан нам в реакции автора на него, которая объемлет собою как предмет, так и реакцию героя на него ...» [1, с. 9]. Таким образом, в рамках концепции М.М. Бахтина интериоризованный дискурс может рассматриваться как созданная автором модель внутренней речи героя. Сама внутренняя речь в определенной степени описывается, моделируется через процесс экстериоризации ее автором произведения. Причем автор самостоятельно выбирает степень экстериоризации в зависимости от очень многих фак-

торов: глубины эмоциональных переживаний, психического типа героя (например, интроверт или экстраверт), социальной ситуации, в которую он помещен, взаимодействующих с ним персонажей и др. Интериоризованный дискурс является именно достоянием героя произведения, оторванного от самого автора, имеющего право на самостоятельное существование.

Психологическим основанием выделения интериоризованного дискурса является установившееся в психологии разграничение типов личности на экстравертов и интровертов. Например, К.Г. Юнг выделяет в структуре личности две разновидности эго-направленности: экстраверсия и интроверсия. В экстравертной установке проявляется направленность интереса к внешнему миру – другим людям и предметам. Интроверт, напротив, погружен во внутренний мир своих мыслей, чувств и опыта [5]. В изолированном виде эти установки не существуют: они находятся в оппозиции друг к другу, и одна из них доминирует в структуре личности. Результатом комбинации ведущей и вспомогательной эго-ориентаций является сама личность [4, с. 197 – 206].

Интериоризованный дискурс представляет собой разновидность прямой и несобственно прямой речи, или представленной (*represented speech*) автором речи персонажа художественного произведения, которая характеризуется тем, что слова героя произведения влетают в речь автора произведения. Интериоризованный дискурс может быть представлен в виде внутренних мыслей (внутренней речи) героев, в виде шепотной или голосовой речи, направленной «на себя». Следовательно, нам предлагается правомерным выделить шкалу интериоризации – экстериоризации дискурса. В текстах художественных произведений о глубине интериоризации дискурса можно судить в первую очередь по авторским ремаркам. Предлагается условно выделять три степени интериоризации дискурса.

1. Низкая степень – шепотная и голосовая речь, направленная «на себя»: *Н. что-то, впрочем, шептал разобрать было нельзя, но, подойдя ближе, можно было считать с его тихо шлепающих губ негромко повторяемое шуршащее одно слово: «Счастье... Счастье... Счастье... Счастье...»* [7, с. 10].

В приведенном примере герой шепчет: «Счастье... Счастье... Счастье... Счастье...», мечтая о его достижении.

2. Средняя степень – мыслимая субъектом речь, не нашедшая звукового выражения в художественном произведении: *Так что вечер воспоминаний не удался, а отношения с человеком, еще не возникнув, свелись к нулю, наслаждайся, друг милый, шумным людским роем, повторял себе Геннадий Павлович* (Там же, с. 7). В приведенном примере главный персонаж Геннадий Павлович, испытывая муки одиночества после неудачного знакомства с женщиной, мысленно говорит себе «наслаждайся, друг милый, шумным людским роем».

3. Высокая степень – внутренние мысли субъекта в так называемой несобственно прямой речи: *What was the fellow going to do? Denis wondered: give him an introduction to the editor of John o'London's Weekly, or tell him where he could sell a light middle for seven guineas? Mr. Barbeque-Smith pattered his arm several times and went on.*

“The secret of writing,” he said breathing into the young man's ear – “the secret of writing is Inspiration.” [10, с. 25]. – Что собирается делать этот малый? Дэнису было интересно: даст ему рекомендацию издателю Джон о'Лондонз Уикли, или скажет ему, где он мог бы продать небольшой очерк за семь гиней? Мистер Барбекю-Смит погладил его руку несколько раз и продолжил: «Секрет писательского творчества», – сказал он, дыша в ухо молодого человека. – Секрет писательского творчества – Вдохновение (пер. наш. – Ю.В.П.).

Выше нами были рассмотрены случаи, когда объектом интериоризованного дискурса является сам субъект. Однако существуют особые случаи реализации интериоризованного дискурса. Объектом интериоризованной речи может служить не только собственное Я, но и так называемые «квазиобъекты», т.е. воображаемые заместители собственного Я. Они представлены, например, в следующих случаях.

• Обращение к себе как к другому лицу: *Прощай, значит, жизнь холостая? Недолго и погуляли? Бенедикт Карпыч! Ну и хорошо! Надо остепеняться* [9, с. 116]. В приведенном выше примере главный герой произведения «Кысь» Бенедикт обращает-

ся к себе как ко второму лицу: «Недолго и погуляли, Бенедикт Карпыч!».

- Обращение к образу воображаемого собеседника: *Что, брат Пушкин? И ты, небось, так же? Тоже маялся, томился ночами, тяжело ступал тяжелыми ногами по нескребанным половицам, тоже дума давила? Тоже запрягал в сани кого порезвей, ездил в тоске, без цели по заснеженным полям, слушал перестук унылых колокольцев, протяжное пение возницы?* [9, с. 261.]. В этом примере главный герой Бенедикт обращается к образу А.С. Пушкина, который является воображаемым для главного героя, т.к. Бенедикт и великий писатель жили в разное время. Испытывая муки творчества, главный персонаж фактически разговаривает сам с собой, перенося свои переживания на образ А.С. Пушкина.

- Обращение к образу реального собеседника, представленному в сознании субъекта: *Сожжешь – не вернешь, убьешь – не воротишь; что бы вынес ты из горящего дома?.. Я-то? Ай не знаете? А еще Истопник!* (Там же, с. 220). В приведенном примере главный герой мысленно разговаривает с образом своего приятеля Истопника, работой которого является сжигать книги в описываемом обществе.

- Внутреннее конструирование субъектом речи объекта, обращенной к субъекту, но не нашедшей звукового выражения: *Она сказала это почти машинально, неосознанно рассчитывая на вежливые протесты и уверения Сергея Петровича, что Даша, конечно же, член семьи и все останется по-прежнему, и она снова и снова сможет приходить сюда, если только квартиру оставят в их распоряжении... Но пока она мысленно конструировала его возможный ответ, стало вдруг ясно, что пауза затянулась, и Даша с грустью поняла, что вежливых возражений не будет – вообще не будет возражений...* [8, с. 161]. В приведенном примере главная героиня романа внутренне конструирует ответ своего дяди на ее слова о том, что она уже не так часто, как прежде, будет приходить в квартиру своей умершей бабушки: «Даша, конечно же, член семьи и все останется по-прежнему, и она снова и снова сможет приходить сюда, если только квартиру оставят в их распоряжении...». Однако она в дальнейшем понимает, что ожидаемых ею слов дяди не последует, и она с грустью осознает, что дядя не считает

ее своей родственницей и не хочет ее больше видеть в квартире своей умершей матери, Дашиной бабушки.

- Внутреннее конструирование образом субъекта своей речи, обращенной к образу объекта, но не нашедшей звукового выражения: *Они смотрели друг на друга, и девушка молча, сердцем торопливо говорила: «Это другое, другое, все было иначе. Я не сказала, что никого не любила – это и в самом деле было бы неправдой. Но ты говорил об улыбке, улыбке сердца, и я расскажу тебе то, что почувствовала при твоих словах...»* (Там же, с.185). В приведенном примере девушка, впадшая в забытие, мысленно видит свой образ, который общается с любимым ею человеком, находящимся в состоянии комы в другой стране. Здесь мы наблюдаем, если так можно выразиться, двойную интериоризацию. Во-первых, девушка в состоянии забытия видит свой образ вне реальной жизни, во-вторых, она в своем сне не произносит слова, слова ею только мыслятся.

- Внутреннее конструирование живого образа абстрактного явления и внутреннее общение с этим образом, что фактически представляет общение с самим собой: *Жизнь снова предложила ей почти непосильную ношу и, усмехаясь, подглядывала за ней из-за угла: справишься? ... нет?* (Там же, с. 226). В приведенном примере такое абстрактное понятие, как жизнь, представлено в образе живого существа, которое разговаривает с главной героиней романа. В этом случае слова «справишься? ... нет?» можно рассматривать как слова героини, обращенные к себе.

- Внутреннее реконструирование субъектом реальных слов объекта, произнесенных ранее и находящихся определенный резонанс в душе субъекта. В этом случае чужие слова мыслятся субъектом как вторично обращенные к себе: *Так вот почему заказчик отказался иметь с ней дело! «Уверен, что причина моего решения вам известна – вспомнила она слова Можарова и дернулась, как от удара хлыстом* (Там же, с. 280). В приведенном примере главная героиня, дизайнер по роду занятий, вспоминает слова своего заказчика, объяснявшего отказ от сотрудничества с ней: «Уверен, что причина моего решения вам известна». Воссоздавая эти слова в своем сознании вторично, главная героиня теперь по-

нимает их истинный смысл: причина отказа в сотрудничестве – ложные подозрения в ее нечестности.

• Внутреннее конструирование образа неживого предмета и общение с ним. Фактически общение с самим собой: «Уходи!», – пропела входная дверь, которую он закрыл за собой бережно, точно в комнате больной; «уходи» – скрипел лифт и гремели ступени лестницы под ногами, и пел ноябрьский ветер в ушах, когда он бежал по темной улице, точно прячась от беды и не зная, где от нее скрыться. Уходи, спасайся, это не для тебя, не трогай ее, не вмешивайся в жизнь этой женщины [8, с. 296]. В приведенном примере неодушевленные предметы наделяются способностью говорить в сознании одного из героев произведения. Слово «уходи», сказанное главной героиней в его адрес, становится очень значимым для влюбленного в нее героя произведения и находит отзвук в его сознании таким странным образом – через звучание неживых предметов.

• Прямое описание чувств и эмоций персонажей при помощи интериоризованного дискурса: *Были в этой горечи и мудрость, и насмешка, и чуть ироничное сочувствие, и даже некий мужской шовинизм – что вы, бабы, можете знать о настоящих мужских горестях? – не было только истинного понимания* (Там же, с. 290). В приведенном примере дается характеристика мужского шовинизма через внутреннюю речь героя – «что вы, бабы, можете знать о настоящих мужских горестях?».

• Внутреннее конструирование неопределенного образа, образа «некто». Скорее всего, этим «некто» является так называемое второе Я или какие-либо стороны его сущности: *Червячок эгоистичного сомнения сосал ее душу, и кто-то лукаво и требовательно шептал ей на ухо: «Он подождет. Он твой, он всегда будет с тобой, и ты не потеряешь его, даже если сейчас вернешься туда, к этому странному, неверному свету, к людям – безупречным, несовершенным, но таким же, как ты. Не торопись, Даша! Подумай еще раз ...»* (Там же, с. 311). В приведенном примере девушка Даша разговаривает со своим вторым Я. Ее собственное Я, ее душа тянулись в мир мертвых, к тем, кого она любила, но второе Я, «червячок эгоистического сомнения» уговаривал остаться в мире живых.

• Внутреннее проговаривание слов, обращенных к собеседнику, которые субъект планирует произнести в будущем: *Вот прикатит полковник домой, ужаснется тем дровам, которые наломал Витька, и тут я с достоинством сообщу: «Не расстраивайтесь, милый! Эту даму убил господин N!»* [6, с. 38]. В предложенном выше примере главная героиня мысленно проговаривает слова «Не расстраивайтесь, милый! Эту даму убил господин N!» и планирует произнести их вслух, но в голосовой речи они в рамках указанного произведения не будут произнесены. Этот пример представляет собой воображаемый, мыслимый как возможный в будущем фрагмент дискурса. В данном случае интериоризованный дискурс несет большую нагрузку. Главная героиня очень желает раскрыть очередное преступление и похвастаться этим перед своим другом, полковником милиции, и его помощником Витькой. Однако оказывается, что раскрыть его не так просто, потому эти слова оказываются так и не произнесенными главной героиней. Преступление раскрыто, но не с такой легкостью, как планировала героиня.

Из приведенного списка особых случаев реализации интериоризованного дискурса видно, что общение с самим собой часто маскируется воображаемым общением с другими объектами, которые наделяются способностью общаться. Это наблюдение лишней раз подчеркивает мысль о том, что человеку не свойственно общаться с самим собой.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986.
2. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М. : Наука, 1982.
3. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М. : Просвещение, 1969.
4. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение. 3-е изд. СПб. : Питер, 2003.
5. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. М. : ООО «Харвест», 2003.
6. Донцова Д. Привидение в кроссовках. М. : Эксмо, 2009.
7. Маканин В. С. Один и одна. М. : Современник, 1988.
8. Рой О. Амальгама счастья. М. : Эксмо, 2009.

9. Толстая Т.Н. Кысь. М. : Подкова, 2003.
 10. Huxley Al. Crome Yellow. N. Y. : Bantam Books, 1992.

Interiorisation discourse realization particular cases

There are analysed the non-typical cases of interiorisation discourse realization that is regarded as character inner speech model performed by a narrative text's author. Showing the role of the so called "quasiobjects" in interiorisation discourse the author comes to the conclusion that communication with yourself is often masked by communication with other objects.

Key words: *interiorisation discourse, improper direct speech, interiorisation discourse scale, interiorisation discourse extent, interiorisation discourse object, interiorisation discourse subject.*

Ю.С. БУРЕНИНА
(Саранск)

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ИНФОРМАТИВНО-РЕГУЛИРУЮЩИХ ТЕКСТОВ: СПОСОБЫ И СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ВЛАСТНО-ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

На материале французских информативно-регулирующих текстов рассматривается понятие языка как инструмента социальной власти и дается анализ языковых и речевых средств и способов реализации властно-подчинительных отношений.

Ключевые слова: *социолингвистика, дискурсивная власть, информативно-регулирующий текст, языковые средства.*

Под *информативно-регулирующим текстом* понимается малоформатное произведение письменной коммуникации некоммерческого и неполитического характера, основной прагматической целью которого является прямое или косвенное регулирование поведения членов более или менее ограниченного коллектива.

Информативно-регулирующие тексты относятся к текстам массовой коммуникации, они выступают локально обусловленным средством общения между имперсональным адресантом и коллективным имперсональным реципиентом и служат для обеспечения оптимальных условий взаимодействия определенной группы лиц в местах общего доступа.

Основная функция информативно-регулирующего текста состоит в управлении действиями других людей. А процесс управления, как известно, представляет собой процесс реализации властной воли. Цель настоящей статьи – осветить особенности властно-подчинительных отношений, устанавливаемых в процессе функционирования информативно-регулирующих текстов.

В «Социологической энциклопедии» власть определяется как «способность или потенциальная возможность одних людей принимать решения, оказывающие влияние на действия других» [5, с. 153]. Особый интерес для лингвистического исследования представляет взаимосвязь власти и языка (власти и дискурса). В философских подходах язык понимается как орудие власти в широком смысле. Данный взгляд указывает на способность языка навязывать мировидение, создавать языковую интерпретацию картины мира. Выразиться «нейтрально» невозможно, поскольку всякое использование нами языка предполагает воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком [2, с. 91], а возможность посредством языка воздействовать на опыт других лиц является не чем иным, как осуществлением власти над этими лицами.

Язык как инструмент социальной власти рассматривается Р. Бартом, П. Бурдьё, М. Фуко – видными французскими философами. Р. Барт писал: «... объектом, в котором от начала времен гнездится власть, является сама языковая деятельность или, точнее, ее обязательное выражение – язык» [1, с. 98]. Осуществление власти предполагает наличие трех обязательных элементов: *субъекта власти, объекта власти и средства власти.*

Возможность реализации властной воли в процессе коммуникации во многом зависит от того, насколько доверя-